

СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ

В статье анализируется проблема соотношения теоретических концептов социальных инноваций и социального конструктивизма на примере их развития в теоретической социологии, а также в практической политике акторов государственного и общественного секторов. Автор рассматривает теоретико-методологические направления, характерные для мировой науки. Мы находим, что теория социального конструктивизма оказывает двоякое влияние на процесс социальных инноваций. Расширение взгляда на роль человеческого сознания избавляет от узкого экономико-политического детерминизма в анализе общественных явлений, что делает более глубоким подход к социальным инновациям и расширяет инструментарий их реализации. В то же время это же обстоятельство способствует сближению понятий социального конструктивизма, социальных инноваций и социальной инженерии, что создает предпосылки для нежелательных «социальных экспериментов», напоминающих опыт тоталитаризма. Выделяются признаки и компоненты подхода общественных изменений, сочетающих социальные инновации с теоретическим социальным конструктивизмом – формирование дискурса, изменение языка, трансформацию социокультурных норм и стереотипов, создание новой реальности, опирающейся на измененное социальное сознание.

S. S. MAULIK

SOCIAL INNOVATIONS AND SOCIAL CONSTRUCTIVISM

The article analyses the problem of correlation between the theoretical concepts of social innovations and social constructivism on the example of their development in theoretical sociology as well as in the practical policy of the actors of government and public sectors. The author considers the theoretical and methodological directions that are characteristic of the world science. We claim that the theory of social constructivism has a twofold influence on the process of social innovations. The extended perspective of the role of human consciousness eliminates the narrow economic and political determinism in the analysis of social phenomena that allows for a more profound approach to social innovations and expands the toolkit for their implementation. At the same time, this circumstance contributes to the convergence of the concepts of social constructivism, social innovations and social engineering, thus creating the preconditions for the undesirable “social experiments”, reminiscent of the experience of totalitarianism. The characteristics and components of the social change approach are distinguished, which combine social innovations with the theoretical social constructivism – formation of discourse, language change, transformation of social and cultural norms and stereotypes, creation of a new reality, based on the changed social consciousness.

**МАУЛИК
Сергей Сергеевич,**

аспирант факультета социологии и права Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского»

Вступление

При описании современного состояния общества в общественных науках широкое распространение получили концепции инновационного развития. К таким концепциям можно отнести теорию инновационной динамики Й. Шумпетера или теории модернизации Т. Парсонса и эшелонов развития (преодоления отсталости) А. Гершенкрона. Первоначально эти теории применялись к проблеме экономического прогресса. Однако по мере осознания связи и зависимости между восприятием современных эффективных экономических институтов и социокультурной основой общества они были распространены и на более широкий круг проблем, связанных с социальной структурой и социокультурной динамикой.

Заслуживает внимания вопрос тех теоретико-методологических основ, на которых может основываться систематическое внедрение инноваций в современном обществе. В ряде работ ставится проблема социального конструирования при обновлении социальных институтов. Конструктивистский подход может рассматриваться как синоним «социальной инженерии» или как научное «конструирование» социальных структур.

Философская основа концепции и задачи исследования. Насколько корректным является такое уподобление и в какой степени оно соответствует теоретическому и социально-философскому содержанию конструктивистской доктрины в теоретической социологии? В конечном итоге насколько социальный конструктивизм как современное течение в социологической мысли соотносится с задачами социальных инноваций?

Обзор литературы и постановка проблемы

Из современной литературы можно сделать вывод, что социальный конструктивизм и социальные инновации – это две различные теоретические сферы, которые, однако, имеют явные точки соприкосновения. В качестве теоретической основы социальных инноваций может рассматриваться широкий спектр социальных доктрин: упомянутая выше теория «креативного разрушения» Й. Шумпетера, теории децентрализованного управления П. Друкера, теории социального и человеческого капитала и др.

Создание предпосылок для формирования теории социальных инноваций мы связываем с появлением в 1950–1970-е гг. такого направления социально-политической и экономической мысли, как экономика развития (*development economics*). По мере распространения свойственной ей проблематики с так называемых развитых стран на страны «третьего мира» приходило осознание, что многие принципиальные задачи развития хозяйственного комплекса не могут быть решены без сопряженных изменений социальных институтов. Довольно последовательно эта мысль была проведена в известной работе Г. Мюрдаля «Азиатская драма: исследование бедности наций» [22]. Рассматривая факторы, тормозящие развитие южно-азиатских стран, Г. Мюрдаль убедительно показал, что существовавшие в тех обществах социальные условия препятствовали созданию структур современного социума, что было необходимым условием экономического роста. Шведский ученый связывал это с неразрешимыми проблемами использования рабочей силы, обусловленными качеством населения – общественным здоровьем, грамотностью и образованием, условиями жизни и т. д.

Дальнейшие разработки в этом направлении подтолкнули лавину исследований, многие из которых показывали, что наряду с масштабными программами «инвестиций в человека» (выражение Г. Мюрдаля), т. е. созданием общегосударственных систем образования, здравоохранения и прочих, требуются и инициативы иного рода. Масштабных программ было недостаточно, и их долгосрочная эффективность была невелика, если они не сопровождались социокультурными сдвигами. Тогда как программы, опирающиеся на активность гражданского общества, показывали большую значимость, глубинные изменения в социальные структуры и образ жизни развивающихся обществ. В качестве примера здесь часто приводятся инициативы, нашедшие теоретическое обобщение А. Х. Хана [14], М. Юнуса [35] и др.

Если во второй половине XX ст. социальные изменения в странах «третьего мира» давали наиболее яркие примеры и факты для формирования теории социальных инноваций, то на рубеже тысячелетий очевидными стали глубокие социальные изменения, происходящие и в развитых обществах. Теоретики социальных инноваций Дж. Малган и Д. Сейнсбери концептуализируют это как изменение характера современного капитализма, где преобладающим будет социальный сектор [19; 27].

Согласно анализу Р. Мюррея и других [21, pp. 3–10], социальные инновации можно определить следующими чертами. Во-первых, они одновременно служат достижению потребностей общества и создают новые формы отношений и взаимодействий в нем. Во-вторых, они проявляются там, где существующие традиционные общественные институты и структуры (правительство, рынок,

гражданское общество) демонстрируют свою несостоятельность. Иными словами, там, где решение социальной проблемы невозможно в рамках «старой парадигмы» взаимодействия власти, рынка и общества. В-третьих, социальные инновации опираются на новые общественные формы и структуры («новую парадигму») – сетевые организации, децентрализованное взаимодействие, «свободные коалиции». В-четвертых, они являются следствием возрастания в обществе значения «человеческого измерения» (*human dimension*) с присущим ему сдвигом к демократичным и индивидуалистическим подходам в социальном взаимодействии [36]. В-пятых, они вовлекают во взаимодействие и процесс изменений четыре общественных сектора: государство – рынок – домохозяйства – грантовую экономику, что можно рассматривать как четырехсекторальную модель общественного взаимодействия [21, p. 168]. В целом социальные инновации служат «креативной рекомбинацией» связей между традиционными институтами, содействуя появлению инновационных проектов, их гибкому организационному оформлению и финансированию [21, p. 11; 25, pp. 41–42].

К настоящему моменту к социальным инновациям относят широкий спектр проектов и инициатив, реализуемых как в странах «третьего мира», так и в развитых государствах. Обзор их проблематики дается в издаваемом с 2003 г. *Stanford Social Innovation Review (Stanford Social Innovation Review)*. Опора на социальные инновации декларируется как стратегическое направление деятельности ряда национальных правительств и международных организаций, включая ООН, ОЭСР, ЕС. Так, в аналитических документах, обосновывающих принципы стратегического планирования ЕС (*Bureau of European Policy Advisers* и ассоциированные с ним исследовательские центры), ставится целью достижение ЕС позиции мирового лидера инноваций [17, p. 1]. Особенностью данного европейского аналитического подхода к социальным инновациям мы считаем их интегрированность как в общую концепцию инноваций в обществе (*Innovation Flavours*) [17, p. 2], так и привязанность к конкретным направлениям и целям политики социально-экономического развития ЕС.

Социальный конструктивизм опирается на представление об активной роли человеческого сознания в осмыслении окружающей, прежде всего социальной и не только, реальности. Конструируются в данном случае объяснительные концепты, которыми оперирует человеческое сознание. Принципиально важен социальный характер данного процесса. Конкретный социум в процессе взаимодействия формирующих его групп вырабатывает (совместно конструирует) социальные артефакты. С философской точки зрения социологические теории социального конструктивизма близки к философскому релятивизму, допуская множественность взглядов на реальность (трактовок реальности) и даже принципиальную невозможность «объективного» ее познания. Невозможным признается в том числе «объективное» научное знание. Исторически прослеживается «гомологичность» политических и научных взглядов [8, p. 7]. Как пример здесь часто рассматриваются господствовавшие в науке взгляды на расы, фрейдистский психоанализ и т. д. В более специализированном виде, как теория социального познания, эти взгляды развиваются в рамках социального конструктивизма [28, p. 5]. Социальный конструктивизм

может в принципе отрицать возможность объективного познания реальности и объективной коммуникации между индивидами, сближаясь с позицией субъективного индивидуализма.

Социологический анализ процесса общественного познания, данный с позиций концепции подобного гипотетического «социального конструирования реальности», представлен в классическом труде П. Бергера и Т. Лукмана [2]. Социальный порядок возникает как институционализация вырабатываемых общественным дискурсом конструкторов реальности.

Целью данного исследования является рассмотрение современных концептов, связанных с теориями социальных инноваций и социального конструктивизма и выявление тенденций их развития.

Результаты исследования

Несмотря на, казалось бы, стройность и последовательность концепции, теория социальных инноваций может быть представлена широким и довольно пестрым кругом исследований, который предоставляет возможности для множественности подходов. Так, социальные инновации могут связываться с особым социальным субъектом – «креативным классом». В определении Р. Флориды это слой профессионалов постиндустриальной экономики, обладающий способностью к креативному мышлению и склонных к особому, «богемному» образу жизни с соответствующей ему системой ценностей [9]. Его социальным дополнением в условиях постиндустриального строя является «новый пролетариат» – прекариат, соединяющий регрессивные черты культуры, социального положения, менталитета, этничности. Социальные характеристики нового инновационного общества с присущими ему новыми «классовыми» оппозициями представлены в работах Д. Белла (меритократия) [1], Р. Флориды (креативный класс) [9], Г. Стендинга (прекариат) [30], Д. Брукса (новая элита) [3], Ч. Мюррея (новые принципы социальной сегрегации) [20]. Как правило, данные научные труды ведут к комплексному выводу: (1) современное общество жизненно зависит от инновационной динамики, (2) оно обладает новой социальной структурой, (3) возникающие в ходе ее становления противоречия сами по себе требуют социальных инноваций для эффективного разрешения. Вплоть до утверждения, что «мир будущего – это максимально искусственный мир» [41].

Цели социальных инноваций в современном обществе могут быть и глобальными, и амбициозными, как, например, развитие так называемой экономики счастья. Л. А. Лаврова констатирует связанность субъективного благосостояния в его широком смысле и инновациями [43, с. 33]. Как компоненты «экономики счастья» могут рассматриваться инновации в организации труда, системы образования, сферах социальной стабильности и безопасности. Исследователями предлагается обобщающее понятие социальной инноватики для теоретического объединения процессов инновационной деятельности, инновационного потенциала и жизненного цикла инноваций. Сторонники данного подхода, в частности А. В. Горюнов, основывают его на делении инноваций на преднамеренные и непреднамеренные [40, с. 23]. В таком случае «преднамеренная инновация» должна рассматриваться как результат осуществления некоего «инновационного проекта», а такого рода инновационная деятельность

является процессом социального конструирования. Этот подход мы расцениваем как неоднозначный. Имплицитно он содержит отсылку к доктринам социального переустройства (например, к многочисленным попыткам политического воплощения идеологием марксизма), которые тоже можно рассматривать как «проекты» социального конструирования. Эксплицитно он ставит вопрос об «управлении инновациями» [45], что в условиях авторитарного общества может быть своеобразной имитацией процесса инновационного развития.

Еще одну черту современной глобальной экономики и современного социума отмечает Д. Харви: быстрый прогресс электронно-вычислительной техники и компьютерных сетей является одним из стимулов неолиберального хозяйства [11, р. 3]. Но, будучи развитыми и распространенными, электронные сети используются в других сферах жизни общества, а накопление и обмен информацией выходят далеко за пределы экономических транзакций или чисто технологических потоков данных.

Действительно, распространение технологий влечет за собой изменения не только в экономике, но и в других сферах жизни человека; в частности в сфере коммуникаций, что подчеркивает Э. Гидденс [10, pp. 72–77]. Следствием высокой степени разделения труда становится развитие сетевой формы организации современного производства либо отвечает, по определению М. Кастельса, сетевой форме организации общества. В фундаментальной работе «Информационный век: экономика, общества и культура» М. Кастельс исследует содержание эпохальных экономических сдвигов в эпоху глобализации и соответствующих им изменений в других сферах жизни общества. Жесткие вертикальные иерархические связи, машинная регламентация эпохи индустриализма меняются гибкими и горизонтально ориентированными сетями. Их существование и функционирование обеспечиваются развитыми информационными технологиями, формируют единое информационное пространство [5–7]. В конечном итоге результатом глобализации становится глобальный рынок, свободный от социополитического контроля [15, р. 9], где свободная игра рыночных сил рассматривается как самодостаточная ценность.

Теория социальных инноваций приобрела большую популярность еще в начале 1970-х гг., когда ее применили к анализу деятельности организаций [12, р. 235]. Большое количество исследований посвящено обобщению конкретного опыта социальной инновационной деятельности на локальном и организационном уровнях. К таким можно отнести применение к анализу социальных инноваций сетевой и кластерной теорий К. Танимото [32], модель процесса социальных инноваций как координационной игры в сети социальных связей П. Янга [34], интерпретационные методы анализа генезиса социальных инноваций в процессе социального развития городов А. Ноак [23] и др.

В целом социальный конструктивизм в инновациях может пониматься как осознанное конструирование реальности, создание планомерного социального порядка, присваивание человеку статуса «субъекта управления миром» [42, с. 25, 28]. Следовательно, подразумевается и как социальная инженерия: С. Б. Токарева рассматривает процесс развития общества как возрастание его способности к «конструированию» своего социального бытия

как акта воли [50]. Как направленное стремление трансформировать социокультурную сферу общества, которое достигло позитивно направленных изменений. Или, если акцентировать эту мысль еще глубже, использование «механизма устойчивого управляемого развития общества и становления ноосферы» [44, с. 102–103].

Возникает вопрос, насколько теория социального конструктивизма соотносится с подобными трактовками?

Социальный конструктивизм как социологическая позиция представляет собой довольно непростую проблему. Хотя он, как правило, противопоставляется таким «объективистским» позициям, как социология К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, В. Парето, американской прагматической социологии [13, pp. 317–318], на практике, характерные для него методологические подходы могут быть использованы в рамках таких доктрин, как учение о «надстройке» К. Маркса или социология религии М. Вебера. Подход социального конструктивизма может рассматриваться как оппозиция социальному, экономическому или технологическому детерминизму и быть средством деконструкции их построений. В этом смысле данный подход может быть конгруэнтным методом «раскрытия смыслов» европейской культуры, предпринятым М. Фуко и Ж. Деррида. Переосмысление указанного выше метода на основе новых правил социологического метода Э. Гидденса теоретически возможно, что открывает возможность сочетания конструктивистского объяснения социокультурных явлений с эволюционным и структурным подходами [26].

Стоит отметить, что степень философского релятивизма данной концепции довольно неопределенная, что позволяет использовать разрабатываемый конструктивистами дискурсивный анализ в исследовательских и аналитических целях при широком спектре методологических подходов. Проблемой является расширенная трактовка социального конструктивизма как социальной инженерии. В то же время может быть рассмотрена задача создания социальных инноваций в ходе дискурсивного конструирования социальной реальности. Какие же направления социальной трансформации рассматриваются с точки зрения соприкосновения инноваций и социального конструирования? Мы можем выделить несколько таких динамических концептов.

Широкое распространение социально-конструктивистский подход получил при рассмотрении проблемы этничности. Как известно, на протяжении XIX – первой половины XX в. в понимании природы этно-национального начала доминировал примордиалистский подход, имеющий основой философию и культуру романтизма. Понятия «нация» и «этнос» отождествлялись; ключевыми для их дефиниции были понятия истории, крови и почвы; нации мыслились как изначально существующие и неизменные человеческие сообщества. Отождествление понимаемой в таком ключе нации и государства – национального государства, государства-нации – было основой социополитических процессов данной эпохи. Политические сдвиги в период после Второй мировой войны были связаны с «демонтажем» таких представлений в ведущих европейских государствах, где стремление к построению государств-наций было признано движущим мотивом правого тоталитаризма и милитаризма.

Развитие европейского проекта можно рассматривать как глобальную социальную инновацию, включающую перестройку фундаментальных представлений о человеческих сообществах. Идеи толерантности, политической нации, европейского экстерриториального единства являются хорошим примером социальной инновации – внедрением в поле общественного дискурса новых идейных конструктов и преобразования с их помощью господствующей культуры. Проблемно-идейное поле данной инновации очень широкое для углубленного анализа в рамках этой статьи. Необходимо лишь указать на роль Франкфуртской школы социальной философии в формировании современного европейского дискурса и проектов, связанных с ним социальных инноваций (например, [38; 48; 52]).

Основанное на теории структурации и множественной идентичности понятие «нации» получило широкое научное признание [49]. Конструктивистский или квази-конструктивистский подход к понятию «нации» («нации как мыслительные конструкты» [39, с. 183]) предполагает возможность так называемой сборки и пересборки народов – национальных общностей [46]. Частично конструктивистский подход к проблеме национального формирования еще в советской официальной идеологии и науках об обществе. Концепт «советского народа» подразумевал противоречивое сочетание понятия нации и теории трансформации наций в некую «новую историческую общность» со вполне поддающимися определению общими ментальными и социокультурными характеристиками, идентичностью [51]. Осмысление опыта формирования и распада советской идентичности служит основой для выработки конструктивистских проектов социальных инноваций, ориентированных на «пересборку» национальных общностей, а также на распространение релятивистских трактовок этничности [47, с. 88].

Наряду с глобальными конструктивистскими проектами социальных инноваций большое значение имеют многочисленные системные проекты локальных преобразований, подчиняющиеся правилу *think global, act local*. Так, в настоящее время мы можем наблюдать развитие инновационного процесса в таком социальном институте, как образование. Трансформация образования обуславливается спектром изменений общества, расширяющего черты постиндустриальности и информационности. Концепции общества знаний, человеческого капитала, толерантности и гуманизации, новые децентрализованные, сетевые и информационные технологии создают инновационное давление в этой сфере, формируя соответствующее поле дискурса. В результате комплекс инноваций затрагивает сферы статусных изменений, изменений программ, управленческих трансформаций, изменений форм и методов обучения, а также форм образовательного процесса [37, с. 1104].

Инновации, предполагающие глубокие конструктивные изменения в основополагающих характеристиках социальной организации, затрагивают сферы социальной работы, различных видов дискриминации (по возрастному, расовому, этническому признакам, физических возможностей и проч.). Например, инновативный подход к проблеме людей с ограниченными возможностями может включать не только проект технической реорганизации городского пространства, но и социальный проект создания механиз-

мов обратной связи между людьми с ограниченными возможностями и основными стейкхолдерами данной проблемы. Целью здесь служит реструктуризация социальных ролей, которая изменяла бы и социальные отношения, и регулирующее их социокультурное восприятие проблемы [29]. Задача обновления жизненного пространства городов и преодоления дискриминации, таким образом, приобретает совершенно новое звучание.

Преимущественно традиционное направление социальных инноваций – инновации на рабочем месте (*workplace innovation*) – это наиболее развитое направление, получившее в государствах ЕС вид и общественной, и государственной политики. В ней прежде всего выражается принцип социальных инноваций как стержневой ценности (*core value*) европейской инновационной политики, нашедшей правовое оформление в ряде общеевропейских деклараций и политических стратегий. Согласно выработанной официальной концепции, ЕС рассматривает социальные инновации как новую форму инноваций, которая получила возможности для своего развития благодаря новым информационным и коммуникационным технологиям и социальным медиа. Она опирается, следовательно, на новые формы взаимодействия и партнерства между публичным и частным секторами и имеет своей целью достижение социального блага [24, р. 33].

Такому определению нельзя отказать и в последовательности, и в прагматичности. Инновации на рабочем месте, на что в первую очередь направлена современная политика социальных инноваций ЕС, рассматриваются как средство повышения организационной эффективности с двумя ожидаемыми последствиями – ростом экономической производительности и социальной роли государственного и частного секторов. Для описания инновационных изменений в данных сферах привлекается так называемая теория социального качества, связывающая социальный, институциональный (организационный) и индивидуальный операциональные уровни с целью достижения спектра целей в направлениях социальной защищенности, социальной включенности и расширения социальной компетенции наемных рабочих [24, р. 40]. Одним из инструментов такой политики стала практика корпоративной социальной ответственности, расширяющая социальную роль бизнеса в современном обществе [33].

В методологическом плане расширение политики и практики социальных инноваций ставит вопрос о методах измерения инновационной способности отдельных социальных (например, территориальных – местных сообществ [18], или «групп общих интересов» – *common denominator subject (CDS) groups* [16] единиц и о систематических детерминантах инновационной политики [4].

Выводы

Таким образом, рассматривая проблемы социальных инноваций и социального конструктивизма в совместном контексте, необходимо отметить его методологическую двойственность. Теория социального конструктивизма по-

тенциально открывает доктринальное пространство для обоснования возможностей самых широких социальных инноваций, которые можно представить в ее рамках как результат деятельности социального сознания. Такой результат будет ограничен социокультурными условиями, однако трансформация этих условий и представляется содержанием процесса инновационного развития. В такой трактовке социальный конструктивизм может служить как методологической основой для анализа исторически обусловленного процесса формирования негативных социальных норм и стереотипов, так и обоснованием инструментов их инновационной трансформации.

Среди тенденций развития направлений социального конструктивизма в современной социологии мы можем наблюдать сближение его с концепциями социальной инженерии, предполагающими возможность целеполагающего изменения социальной реальности общества. Широкая сфера применения социальных инноваций, основанных на принципах социального конструктивизма, т. е. на производной трансформации дискурса, языка, социального сознания и социокультурных норм, ставит вопрос об анализе исторического опыта столь радикальных действий. В то же время можно назвать эффективной инновационную политику, имеющую соотносимые с очевидными направлениями общественного развития цели и принципы.

Социальные инновации, основанные на конструктивистском подходе, создают проблемное поле для стран «второго мира» (посттрансформационных стран). Этим обществам присуща социальная структура, близкая к современной, что является историческим результатом модернизации XX ст. В то же время в социокультурном и ценностном плане эти общества серьезно отличаются от развитых государств и государств, относимых к развивающимся. Это же можно сказать об их институциональной структуре. Как можно увидеть из приведенного анализа теоретического осмысления проблем социальных инноваций с позиции социального конструктивизма, данный комплекс обстоятельств может создавать, с одной стороны, проблему осмысления позитивных трендов общественного прогресса как процесса конструирования и манипулирования сознанием общества; а с другой, порождать видение объективных социальных процессов как сугубо проективных конструктов социальной инженерии.

Теория и политика социальных инноваций, основанных на характерном для социального конструктивизма подходе, имеют очевидное соответствие современным тенденциям развития общества. Повышение плотности информационных связей в обществе, которое имеет сетевую организацию, может увеличивать роль субъективных факторов, определяющих динамику его развития. Социально-философская проблема соотношения социального сознания и объективных условий существования общества в сложившихся условиях может сдвигать в сторону первого, для чего существуют технологические, социально-политические и экономические предпосылки.

Список использованных источников

1. Bell, D. (1973). *The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting*. New York: Basic Books.
2. Berger, P. L., & Luckmann, T. (1966). *The social construction of reality; a treatise in the sociology of knowledge* (1st ed.). Garden City, N.Y. : Doubleday.
3. Brooks, D. (2000). *Bobos in paradise : the new upper class and how they got there*. New York ; London: Simon & Schuster.

4. Bund, E., Gerhard, U., Hoelscher, M., & Mildenerger, G. (2015). A Methodological Framework for Measuring Social Innovation. *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*, Vol. 40(N 3 (153)), P. 48–78.
5. Castells, M. (1997). *The power of identity*. Malden, Mass.: Blackwell.
6. Castells, M. (1998). *End of millennium*. Malden, MA: Blackwell Publishers.
7. Castells, M. (2000). *The rise of the network society* (2nd ed.). Oxford ; Malden, Mass.: Blackwell Publishers.
8. Collins, H. M. (1981). Stages in the Empirical Programme of Relativism. *Social Studies of Science*, 11(1), 3–10. doi: 10.1177/030631278101100101
9. Florida, R. L. (2002). *The rise of the creative class : and how it's transforming work, leisure, community and everyday life*. New York: Basic Books.
10. Giddens, A. (1990). *The consequences of modernity*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
11. Harvey, D. (2005). *A brief history of neoliberalism*. Oxford ; New York: Oxford University Press.
12. Holt, K. (1971). Social Innovations in Organizations. *International Studies of Management & Organization*, 1(3), 235–252.
13. Kabele, J. (1996). Sociální konstruktivismus / Sociální Constructivism. *Socialni konstruktivismus / Czech Sociological Review*, 32(3), 317–337.
14. Khan, A. H. (1985). *Rural development in Pakistan*. Lahore: Vanguard Books.
15. Larsson, T. (2001). *The Race to the Top: The Real Story of Globalization*. Washington, D.C.: The Cato Institute.
16. Li, Y., Sun, Y., & Lin, K. (2012). Social Innovation, Local Governance and Social Quality: The Case of Intersectoral Collaboration in Hangzhou City. *The International Journal of Social Quality*, 2(1), 56-73.
17. Madelin, R. (2016). Opportunity Now: Europe's Mission to Innovate EPSC Strategic Notes (Issue 15), 20 p.
18. Moulaert, F., Martinelli, F., Swyngedouw, E., Gonz, xe, & Iez, S. (2005). Towards Alternative Model(s) of Local Innovation. *Urban Studies*, 42(11), 1969-1990.
19. Mulgan, G. (2013). *The Locust and the Bee. Predators and Creators in Capitalism's Future (REV - Revised ed.)*: Princeton University Press.
20. Murray, C. A. (2012). *Coming apart : the state of white America, 1960-2010 (1st ed. ed.)*. New York, N.Y.: Crown Forum.
21. Murray, R. S., Caulier-Grice, J., & Mulgan, G. (2010). *The open book of social innovation*. [Great Britain]: NESTA.
22. Myrdal, G., & Twentieth Century Fund. (1968). *Asian drama; an inquiry into the poverty of nations*. New York.: Twentieth Century Fund.
23. Noack, A. (2015). Hermeneutical Interpretations in Ethnographies of Innovations. *From New Ideas to Social Innovations. Historical Social Research / Historische Sozialforschung*, 40(3 (153)), 185–209.
24. Oeij, P. R. A., Dhondt, S., & Korver, T. (2011). Workplace Innovation, Social Innovation, and Social Quality. *The International Journal of Social Quality*, Vol. 1(N 2), P. 31-49.
25. Phills, J. A., Deiglmeier, K., & Miller, D. T. (2008). Rediscovering Social Innovation. *Stanford Social Innovation Review*, Vol. 6(Issue 4), P. 34–43.
26. Rammert, W. (1997). New Rules of Sociological Method: Rethinking Technology Studies. *The British Journal of Sociology*, 48(2), 171–191. doi: 10.2307/591747
27. Sainsbury, D. (2013). *Progressive capitalism : how to achieve economic growth, liberty and social justice*. London: Biteback Publishing.
28. Searle, J. R. (1995). *The construction of social reality*. London: Allen Lane.
29. Sendi, R. (2014). A social innovation for combating discrimination against persons with disabilities in the built environment. *Urbani Izziv*, 25(2), 119–129.
30. Standing, G. P. a. (1999). *The Precariat : The New Dangerous Class*.
31. Stanford Social Innovation Review. – from <https://ssir.org/>
32. Tanimoto, K. (2008). A conceptual framework of social entrepreneurship and social innovation cluster: a preliminary study. *Hitotsubashi Journal of Commerce and Management*, 42, 1–16.
33. Wagner, M. (2010). Corporate Social Performance and Innovation with High Social Benefits: A Quantitative Analysis. *Journal of Business Ethics*, 94(4), 581–594.
34. Young, H. P. (2011). The dynamics of social innovation. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 108, 21285–21291.
35. Yunus, M., & Weber, K. (2010). *Building social business : the new kind of capitalism that serves humanity's most pressing needs*. New York: Public Affairs.
36. Zuboff, S., & Maxmin, J. (2002). *The support economy : why corporations are failing individuals and the next episode of capitalism*. New York: Viking.
37. Башарина, А. В. Социальные инновации в образовании: сущность и классификация / А. В. Башарина // Известия Самарского науч. центра РАН, 2009. – № 4-5. – С. 1101–1108.
38. Борисова, Г. А. Социальная деструкция как универсальный феномен жизни общества (позиция Франкфуртской школы) / Г. А. Борисова // Вестн. КГУ. – 2007. – № 2. – С. 230–234.
39. Гончикдоржиева, О. Ж. Теоретические подходы к исследованию этносоциальных процессов / О. Ж. Гончикдоржиева // Вестн. БГУ. – 2010. – № 6. – С. 181–184.
40. Горюнов, А. В. Основные понятия социальной инноватики: философско-методологический анализ / А. В. Горюнов // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 2. – С. 22–26.
41. Зайцева, Л. А. Философия будущего инновационного общества / Л. А. Зайцева // Ценности и смыслы. – 2013. – № 2. – С. 36–42.
42. Князева, Е. Н. Социальная сложность: самоорганизация, тренды, инновации / Е. Н. Князева // Общество: философия, история, культура. – 2013. – № 1. – С. 20–28.
43. Лаврова, Н. А. Экономика счастья / Н. А. Лаврова // Вестн. Саратовского гос. социально-эконом. ун-та. – 2012. – № 4. – С. 31–35.
44. Малянов, Е. А. Социально-культурные инновации в пространстве современной культуры / Е. А. Малянов // Вестн. ЧГАКИ. – 2009. – № 4. – С. 97–108.

45. Овчаренко, Г. В. Эволюция практических и теоретических аспектов управления социальными инновациями / Г. В. Овчаренко // *Пространство экономики*. – 2012. – № 1-2. – С. 47–49.
 46. Прудникова, М. М. Понятие этноса и его методологическое значение (понятие этноса и его соотношение с понятием нации) / М. М. Прудникова // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. – 2012. – № 3. – С. 86–89.
 47. Сафонов, А. Л. Нация и этнос как различные феномены: эпистемологический анализ теорий социогенеза / А. Л. Сафонов // *Вестн. БГУ*. – 2014. – № 6-2. – С. 30–34.
 48. Сейсяни, В. Т. Диалектика «Отрицательной» критики Франкфуртской школы как философская основа контркультурной революции / В. Т. Сейсяни // *Известия Самарского науч. центра РАН*. – 2012. – № 2-4. – С. 1101–1104.
 49. Сертакова, Е. А. Социальный конструктивизм как концепция конструирования этноса [Электронный ресурс] / Е. А. Сертакова // *Современные проблемы науки и образования*. – 2013. – № 6. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11091>. – Дата доступа: 29.07.2017.
 50. Токарева, С. Б. Методология социального конструирования и социальный конструктивизм как методология / С. Б. Токарева // *Вестн. ВолГУ*. – 2011. – № 2. – С. 113–118.
 51. Тураев, В. А. Кризис советской идентичности и распад СССР / В. А. Тураев // *Россия и АТР*. – 2015. – № 4. – С. 5–17.
 52. Шушкина, А. Г. Критическая теория общества сегодня / А. Г. Шушкина // *Гуманитар. исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. – 2014. – № 2. – С. 98–103.
- 28.09.2017